

Виктория Куба

Доброе утро, ХЬЮСТОН

*Не закрывайте
глаза...*

Виктория Куба

**Доброе утро, Хьюстон.
Не закрывайте глаза...**

«Издательские решения»

Куба В.

Доброе утро, Хьюстон. Не закрывайте глаза... / В. Куба —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855523-7

«Это было бурное время. 60-е накрыли нас волной. Война во Вьетнаме и вторжение армии США были очень важными и актуальными темами на протяжении всего времени, начиная от начала 1957 и по 1975 г. Все хотели свежего воздуха вместо свинца и запаха крови. Восстания. Бунты. Антиреволюционные движения. Мы писали и кричали, как могли. Это было страшно. Нам приказывали ложиться под пули. Мы бежали от этой грязной и страшной реальности. Нам казалось, что мы обретаем свободу, когда галлюциноген поглощает мозг».

ISBN 978-5-44-855523-7

© Куба В.

© Издательские решения

Содержание

Это было бурное время. 60-е накрыли нас волной	6
Доброе утро, «Хьюстон»!	7
1	9
Это были 60-е	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Доброе утро, Хьюстон Не закрывайте глаза...

Виктория Куба

© Виктория Куба, 2017

ISBN 978-5-4485-5523-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это было бурное время. 60-е накрыли нас волной

Война во Вьетнаме и вторжение армии США было очень важной и актуальной темой на протяжении всего времени – от начала 1957-го по 1975-й. Все хотели свежего воздуха вместо свинца и запаха крови. Восстания. Бунты. Антиреволюционные движения. Мы писали и кричали, как могли. Это было страшно. Нам приказывали ложиться под пули. Мы бежали от этой грязной и страшной реальности. Нам казалось, что мы обретаем свободу, когда галлюциноген поглощает мозг.

Я – битник, пацифист и атеист, наркоман, писака и борец за внутреннюю свободу каждого из вас!

Свобода и самовыражение – очень тонкая грань между идеологиями социума и собственной безбашенностью... Желание свергнуть всех, кто стоит на твоём пути, и говорить, писать, дышать, кричать то, что вздумается, стоя голым и обдолбанным в самом сердце NY. В таком виде ты максимально независим! Попробуй не свихнуться в погоне за своей мнимой свободой! Система сжирает и поглощает нас, мы воюем против самих себя, даже не понимая причин. Мы уходим из своих домов и пишем как полоумные ночами напролет, сбегая от реалий в мир наркотических иллюзий, губя свой разум и разрывая сознание, но не теряя надежды докричаться до властей и призвать оставить нас в покое! Мы умирали пачками, сходили с ума, вернувшись с войны, мы кололи эту дрянь в свои вены и закрывали глаза на все. Сил бороться не было. И хотелось просто любить... Нас никто не понимал. Чертова война, брат... Эта чертова война! Она внутри нас! В наших головах и расширенных зрачках! Нам никогда не быть в ней победителями...

Ни один в мире кайф не заменит тебе твою жизнь! Меня зовут Ричард Миллер, и я представляю вам историю своей жизни.

Не закрывайте глаза!

Доброе утро, «Хьюстон»!

Людские потери во Вьетнамской войне

США: погибло, пропало без вести, умерло от ран и болезней – 58 тыс. человек (боевые потери – 47 тыс., не боевые – 11 тыс.; раненых – 303 тыс., госпитализировано – 153 тыс., легкие ранения – 150 тыс.)

Число ветеранов, покончивших жизнь самоубийством после войны, зачастую оценивается в 100—150 тыс. человек (то есть больше, чем погибло на войне), однако эта оценка оспаривается некоторыми исследователями.

По данным американского института Гэллапа, в 1964—1972 гг. именно война во Вьетнаме занимала первое место в числе наиболее важных проблем, волновавших общественность США. Война всколыхнула американское общественное мнение

64% погибших американских военнослужащих были моложе 21 года
Осколки

Из меня свобода вырывается фонтаном, падая звездами на салфетки из придорожных забегаловок, фантазия брызжет лавой из пробудившегося после долгой спячки размягченного, но не утратившего силу мыслить остроумно мозга и растекается по лицам смотрящих мне в спину прохожих. Я каратель времени и прожигатель жизни. Порочное дитя азартного и возжеленного Манхэттена. Опиумный твой. Любимый ничей

*Ричард Миллер,
1963*

1

Я подошел к окну. Пальцем слегка отодвинул занавеску цвета яичный желток и, выглядывая половиной своего изможденного и сухого лица, убедился в том, что дождь и не думал кончаться. Мелодичный тембр Фрэнка успокоил мои нервы и мысли об обиде Сьюзи.

Пытаюсь сконцентрироваться и закончить этот гребаный роман о своей жизни с названием, щекочущим душу: «Доброе утро, „Хьюстон“». Почему закончить? Все просто. Я ставлю жирную точку в каждодневном ведении этого дневника. С каждым днем мне все труднее и труднее даются воспоминания. Не хочу ощущать потерю сознания. Пусть это произойдет незаметно для меня. Я просто устал.

Но ничего не выйдет, пока Сьюзи мельтешит перед глазами. Постоянно она сует мне свои панкейки под нос! Запрещает пить и курить, оправдываясь переживанием за мое здоровье до тряски ее рук. Создает нелепые диалоги, постоянно находит и ликвидирует в считанные секунды пыль на полках, параллельно пылесосит у меня под ухом. Я не могу сосредоточиться. Мысли взялись за руки и водят хороводы в голове. Ой! Кажется, одна проехала по мозгу на слоне!

Твою ж мать! НЕ В Ы Н О С И М О! Мы женаты тринадцать лет, и я по сей день не могу понять, как ей это удалось, как ей удалось утащить меня из вольной жизни и, более того, как ей удастся делать вид, что нами создана благополучная ячейка общества? О нет, не о том я сейчас.

Нужно подлить виски в стакан и приложить лед к пульсирующим вискам.

Дорогая. Ты всегда в моей голове.

Знаешь. Я никогда не любил твой аромат духов, Маргарет. Вульгарная походка, острый взгляд, тонкие запястья, пухлые губы, мескалин в белой лакированной дамской сумочке и вечная фраза *Hasta la vista, baby* на твоём остром языке. Ты не носила нижнего белья, детка, ты носила Ray-Ban, скрывая круглосуточно расширенные зрачки. Ты отрывалась в ирландских пабах и цитировала Уолта Уитмена на барных стойках, бережно храня десятки поцелуев на своей белой коже. Ты любила кожаные куртки и тонкие ремни вокруг тела. Когда ты говорила о политике, то хотелось переключить канал в твоей голове, избавив тем самым тебя от ужаса воспоминаний войны. Когда ты говорила о детях, то я прекрасно понимал, что никогда их не увижу. Мы были частью потерянного и разбитого поколения.

Это были 60-е

Мы и наши семьи не без потерь пережили Вторую мировую войну, и это означало, что теперь мы готовы к самовыражению и свободному вздоху. Мы желали счастья себе и своей стране так, как желает матрос продажных женщин, когда спустя год после плавания он видит сушу сквозь запотевший, расцарапанный ногтями в пьяном угаре иллюминатор своей каюты.

Тогда мы были молоды, Маргарет. Мы были сумасбродно развратны своим чутьем на жизнь, которая по факту являлась сотканным нами порочным кругом самоистязания. Но нам казалось, что мы крутим этот земной шар, когда наши губы смыкались, а языки выкручивали финты круче эквилибристки на шаре, которая отталкивается от его покрова резкими толчками и выполняет изошренные элементы акробатики. Маргарет. Ты помнишь мои модные джинсы из конопляной парусины, купленные на распродаже? А день нашего знакомства? Когда мы возвращались из наистарейшего, прославленного своим яблочным джином Bridge Café? Я протер на них дыры и колени в кровь, все потому что мы, накуренные, ползли по Water Street с задранными к звездам головами по следам Большой Медведицы, изнемогая от желания окунуться в «ковш». Так и не дойдя до цели, мы отрубились в местном парке прямо на лужайке подле фонтана. Мы уснули в объятиях друг друга. А потом – врезанные в кожу наручники, 48 часов за решеткой в вонючей и грязной камере, мои стихи для тебя полушепотом, следы на запястьях и утро в закускойной... Ты написала свой номер промеж моих лопаток ногтями, ты так впечатывалась ими в мою мокрую спину, что твой дешевый красный лак облупливался и сыпался на свежие царапины. Ты допила кока-колу, а я слегка прополоскал рот теплым виски. Твои пальчики касались уголков моего рта, и, стерев с них капли алкоголя, ты размазала их по своей шее, как дешевый парфюм... Мы разошлись, дав слово, что встретимся в ближайшее время на «Хьюстоне».

Письма анархиста

Да, я чудный. Волосы сальные, глаза красные. По венам периодически проносятся волной что-то заряженное. В душе разбодяженный хамством и напористостью вендетты альтруист. Я открываю занавес, господа. Я стою перед вами на черной сцене, словно красный растекшийся плевок на безупречно ровном квадрате Малевича. Выдыхая табачный дым, я чувствую, как озноб овладевает мной. Я скрестил руки и опустил голову. Приготовился. Я не являюсь святым. Закрыв глаза, начинаю расстегивать свою черную рубашку. Оголив свое тело, в кровоподтеках и глубоких порезах, предоставляю его вам ровно так же, как и душу. Посредник вынесет хлысты в виде осуждений, морализаторств и коробку застоявшегося, словно отстойник, банального, больного здравого смысла с какими-то разнообразными насадкам принципов, стадных политических и иерархических взглядов. Также в ней будет присутствовать и манифест, включающий в себя «список правил правильной жизни стада», идеологию церкви и ее влияние на меня как на личность, изначально крещеную, что означает обязанность чтить Господа Бога, хоть и наши с ним взгляды не имеют общих точек соприкосновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.